

УДК 101.9

НАРРАТИВНАЯ ЛОГИКА Ф. АНКЕРСМИТА КАК ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В первом крупном произведении «Нарративной логике» Ф. Анкерсмит выстраивает аналитическую теорию исторического познания. Историческое повествование рассматривается в качестве целостной структуры, которая по своему общему значению принципиально отлична от простой суммы значений составляющих ее отдельных высказываний. Данный подход утверждает фундаментальную двойственность нарратива, в пределах которого одновременно и описывается прошлое, и формируется стратегия его видения. Эпистемологический потенциал нарративного познания прошлого возводится к способности создавать убедительные описания, представления актуально отсутствующих феноменов, единственным способом восприятия которых остается текст о них.

Ключевые слова: философия истории, аналитическая философия, нарратив, нарративная субстанция.

Опираясь на традицию аналитической философии, Ф. Анкерсмит в ранний период своего творчества предпринимает попытку построения логики исторического нарратива. Решение этой задачи нидерландский теоретик начинает с четкого определения области интересов философии истории как самостоятельной дисциплины, продолжая традицию различения «исторического исследования» и «нарративного написания истории». С этой точки зрения, философия истории призвана анализировать историческое сочинение как целостный текст, определяя его характерные черты и возможности, само же исследование прошлого, установление конкретных исторических фактов всецело остается прерогативой профессиональных историков. Именно поэтому представляется целесообразным рассматривать познание прошлого в ракурсе нарративной логики. Показателен тот момент, что при этом Ф. Анкерсмит приводит пример теории Р. Коллингвуда, принимая сравнение работы историка и детектива и обозначая областью своего исследования именно то, как отдельные факты связываются в последовательный рассказ [1, с. 22]. В центр внимания ставится проблема, для рассмотрения которой самим Коллингвудом развивается концепция априорного воображения и фундаментальной идеи истории, но рассматривается она с несколько иных позиций. В качестве фундаментального основания теории нарратива голландским философом предлагается тезис о том, что текст, повествование всегда является проявлением интеракции между людьми [там же, с. 36], что позволяет поставить вопрос о существовании определенных правил его постро-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047

ения, без которых невозможно достичь взаимопонимания. В соответствии с чем ставится задача выявления и анализа этих правил.

С точки зрения формальной структуры, нарратив состоит из единичных констатирующих высказываний. Содержанием подобных высказываний являются утверждения о неких фактах действительности, и по этой причине они могут быть истинными или ложными. Вместе с тем, значение сингулярного высказывания не ограничено его соотношением с фактами внетекстовой реальности – по аналогии с тезисом Л. Витгенштейна о том, что значение слова определяется его употреблением в языке [3, с. 99], значение единичного высказывания зависит от контекста его использования. Поскольку же значение отдельного высказывания тесно связано со значением окружающих его высказываний, смысл нарратива как целостности, не может быть выведен кумулятивным сложением составляющих его частей. Историческое повествование, как целостный текст, приобретает собственную значимость, независимую от смысла отдельных предложений, из которых он состоит. Согласно развиваемому подходу нарратив не может быть истинным или ложным, подобным свойством обладают только сингулярные предложения. Высказывание обладает определенного рода устойчивостью, оно либо соответствует действительности, либо нет, сочетаясь же в целостность, подобные единичные элементы текста приобретают новую когнитивную значимость, отличную от простой суммы их значений. По этой причине нарратив всегда обладает неопределенностью в большей или меньшей степени, его скорее можно описать как «хороший» или «плохой», чем как истинный или нет [1, с. 108]. Аргументированная таким образом автономия нарратива как целостности позволяет не уделять в рамках проводимого Ф. Анкерсмитом исследования внимание структуре единичных высказываний о прошлом, т. е. не рассматривать вопрос о том, как историками продуцируется знание о прошлом, сосредоточившись на проблеме повествовательной организации исторического познания.

Утверждение самостоятельного когнитивного потенциала нарратива выявляет глубокий разрыв между единичным высказыванием и целостным текстом: высказывание напрямую связано с определенным фактом действительности, но на уровне повествования такого рода строгое соответствие утрачивается. Именно по этой причине голландский философ отдает предпочтение идеалистическому подходу к нарративу. Противоположная позиция – нарративный реализм – предполагает сущностную взаимосвязь повествования о прошлом и произошедших событий. Историческое сочинение предстает нарративным изложением случившегося, можно сказать, способом перевода событийного ряда исторического становления на доступный для восприятия в современной ситуации и в будущем язык. Таким образом, нарратив воспринимается в качестве средства, применение которого позволяет увидеть историю, говоря словами Л. фон Ранке, как она «происходила на самом деле», залогом достоверности текста при этом оказывается представление о том, что само прошлое напрямую определяет тот способ, которым оно может быть описано. Для Ф. Анкерсмита подобный подход неприемлем, поскольку прошлое, процесс исторического становления не обладает структурой нарратива, а это означает, что нарратив не воспроизводит структуру прошлого, каузальные связи между элементами текста не повторяют каузальные связи событий действительности, скорее сам историк определяет, как именно события прошлого будут связаны между собой в рамках повествования [там же, с. 128]. Историческое становление не доступно наблюдению как

единая последовательность, подобная взаимосвязь может быть сконструирована только в форме повествования о прошлом. В рамках такого подхода философский анализ особенностей исторического познания и функционирования повествования о прошлом должен абстрагироваться от фактической стороны, от описываемой действительности, рассматривая историческое сочинение исключительно как лингвистический конструкт.

У историка нет возможности в своем тексте напрямую, в полном соответствии с действительностью отразить произошедшие события, следовательно, правила построения нарратива не могут быть раскрыты в качестве методики выражения событий языковыми средствами, но должны быть выведены в ходе исследования логики функционирования нарратива как лингвистического феномена. В схожем направлении двигался Х. Уайт, развивая концепцию литературного анализа исторического сочинения. Важно отметить при этом, что уайтовская тропология, определяя историческое познание как попытку объяснения прошлых структур и процессов через их репрезентацию при помощи вербальных структур в форме повествовательного дискурса [6, с. 2], по мнению Ф. Анкерсмита, сохраняет тенденцию представления реальности согласно «правилам перевода». В дальнейшем подобный ход размышлений приведет голландского автора к отказу от идеи метафорической репрезентации прошлого и построению теории непосредственного контакта историка с прошлым в пределах философской программы возвышенного исторического опыта. В контексте «Нарративной логики», тем не менее, проводится попытка анализа повествования о прошлом как сконструированного в ситуации современности взгляда на случившееся ранее. Отказ от представлений о том, что историческая действительность определяет структуру своего описания, оставляет единственно возможным рассмотрение нарратива в качестве интерпретации прошлого. Каждый нарратив формирует собственную точку зрения, в свете которой история раскрывает себя. Именно в этом усматривается принципиальное отличие истории от естествознания – если в точных науках концептуальное «видение как...» предшествует конкретному исследованию, оно дано заранее, то перед историком стоит задача формирования подобного рода гештальта, представления о предмете изучения, в процессе нарративного познания [1, с. 135]. Повествование оказывается репрезентацией, именно замещающим представлением недоступного для восприятия иными методами прошлого.

Определяя, таким образом, методологическое восприятие нарратива как целостности, Ф. Анкерсмит переходит к анализу внутренней структуры повествования о прошлом, для чего использует методики лингвистической философии [5, с. 178]. Основной задачей нарратива как интерпретации является формирование некоего представления об исторической реальности. Выражением подобных представлений оказываются сформированные историком образы или картины, запечатлевающие феномены прошлого – специфические понятия исторического познания. В рамках нарративной логики они формулируются как нарративные субстанции, наиболее простые и основополагающие элементы структуры повествования о прошлом. Представляя собой методологическое средство интерпретации явлений действительности, нарративные субстанции сближаются по своему значению с идеальными типами М. Вебера, что заставляет голландского философа четко дистанцироваться от последних. Выделяемые немецким социологом идеально-типические понятия представ-

ляются в качестве эпистемологических абстракций, продуктов выделения и абсолютизации неких черт исторически данных явлений [2, с. 390]. В том виде, в котором подобные мыслительные образы предстают в тексте, они не имеют абсолютно точного воплощения в действительности, оказываясь идеальной моделью, обобщением, с которым можно сопоставить индивидуальные факты. Ключевой чертой нарративных субстанций, отличающей их и от идеальных типов и от естественнонаучных терминов, является то, что они не ссылаются ни на какие объекты действительности, все их существование полностью ограничено рамками нарратива, они всегда единичны и определяются только содержанием данного конкретного текста.

Нереференциальность нарративных субстанций может оказаться серьезной проблемой в силу того, что по своему названию они зачастую совпадают с именами объектов, существующих за пределами текста. Например, термин «консерватизм» может выражать как приверженность конкретного человека определенным убеждениям, так и понятие, используемое историком для организации знания о прошлом [1, с. 141]. Для различения функционирующих в пределах нарратива образов и объектов действительности Ф. Анкерсмит противопоставляет нарративные субстанции нарративным субъектам, рассматривая последние как субъекты высказываний традиционной теорией суждений, то есть в качестве понятий, отсылающих к конкретным явлениям реальности. Следовательно, можно выделить два типа нарративных субстанций: строго индивидуальные по своему наименованию – их название сформулировано конкретным автором («холодная война» или «маньеризм») и нарративные субстанции, по своему наименованию совпадающие с нарративными субъектами, которые в свою очередь отсылают к некому факту действительности. Наиболее ярко нарративные субстанции такого типа представлены именами собственными. Так, упоминая Людовика XIV, каждый историк указывает на конкретную историческую личность, и в этом значении данное имя является субъектом, о котором идет речь. Но при этом, предлагая некую интерпретацию биографии французского короля, историк создает единичную нарративную субстанцию, выражением которой является то же самое имя [там же, с. 194]. Может быть создано бесконечное множество в разной степени отличающихся друг от друга биографий одного человека, и в каждой из них будет сформулирована своя собственная нарративная субстанция, но нарративный субъект при этом во всех этих биографиях останется одним и тем же. Существенным принципом нарративной логики голландского философа оказывается положение, согласно которому оба типа нарративных субстанций, как имеющие референциальное соответствие за его пределами, так и строго индивидуальные, функционируют единообразно и не имеют сущностных отличий.

Поскольку нарративная субстанция не имеет бытия за пределами текста, в котором она сформулирована, Ф. Анкерсмит делает вывод, что определить ее можно только путем перечисления всех принадлежащих ей свойств. Подобного рода смысловые комплексы сопоставляются с сущностями в аристотелевском понимании, они оказываются не просто составной частью высказывания, но «вещами», и также как вещи реального мира они являются тем, о чем идет речь в высказывании, не входя сами по себе в эти высказывания [1, с. 146]. Частью предложения может быть только наименование нарративной субстанции. В равной степени и высказывания представляются не составляющими

ми нарративной субстанции, но ее свойствами: предложения определяют данные образы, но однозначно они характеризуются только всеми предложениями, которые они содержат. Согласно нарративной логике голландского философа, нарративная субстанция конституируется высказываниями, но только теми, которые она фактически содержит, прибавляя или удаляя какое-либо высказывание к данному значению, мы получаем уже другую нарративную субстанцию. Допустимо бесконечное множество интерпретаций понятия «Ренессанс» разными исследователями, и в каждой из них ему будут приписываться различные, вплоть до прямо противоположных признаков. Как указывал А. Данто, возможно бесконечное множество нарративных предложений, истинно описывающих одно и то же явление [4, с. 162].

Ключевое положение нарративной логики Ф. Анкерсмита фактически утверждает, что в различных текстах, даже если они посвящены одной проблеме, исследуют одно и то же явление, речь идет о принципиально разных сущностях, о разных нарративных субстанциях: «полное понятие» нарративной субстанции содержит все свои предикаты с необходимостью [1, с. 197]. Нарративная субстанция не может быть идентифицирована указанием каких-то отдельных характерных черт, как это происходит в случае объектов действительности, ее можно только индивидуализировать, но для этого нужно перечислить все принадлежащие ей атрибуты. Таким образом, еще раз подчеркивается неприменимость естественнонаучных методов в случае исследования прошлого, нарративное познание не может быть номотетическим, но только идеографическим. Нарративная субстанция всегда единична и не может быть подвергнута операции обобщения, ее значение строго определено ее собственными границами, и за пределами текста не может быть ничего, что помогло бы лучше ее понять. В этом смысле понятие нарративной субстанции очень близко к монаде Лейбница. Более того, поскольку нарративные субстанции не имеют внетекстового бытия, с точки зрения Ф. Анкерсмита, применение монадологии к теории нарратива оказывается менее противоречивым, чем в самой философии Лейбница. Концепция Лейбница оставляла проблематичным соотношение постулируемой автаркии, абсолютной непрозрачности «не имеющих окон» монад с утверждением предустановленной гармонии, призванной объяснить возможность согласованного взаимодействия между ними. Нарративная логика снимает эту проблему, допуская совместимость любых возможных высказываний о нарративной субстанции [там же, с. 212]. Пользуясь литературными средствами выражения, историк обладает практически безграничными возможностями для создания убедительных описаний случившегося в прошлом. Если абстрагироваться от вопроса о достоверности отдельных исторических фактов, как это постулируется в «Нарративной логике», повествование о прошлом, рассмотренное в целом, оказывается полностью самостоятельным произведением конкретного автора, не связанным напрямую и не ограниченным никакими явлениями за его пределами.

В мире нарративных субстанций нет каузальных связей, они не оказывают друг на друга определяющего воздействия, будучи самодостаточными сущностями, они могут связываться друг с другом абсолютно произвольным образом. Но именно эти качества нарративных субстанций позволяют создавать убедительные повествования, в рамках которых устанавливается определенная последовательность событий. Подобная последовательность не обна-

руживается (не может быть наблюдаема за пределами текста о прошлом) в самой исторической реальности, единичное событие не детерминирует с необходимостью строго определенные последствия. Более того, причинно-следственные связи могут быть установлены только ретроспективно, только после наступлений последствий какого-либо события, можно предпринять попытку связать их с предполагаемой причиной. Задаваясь вопросом о том, какой должна быть идеальная хроника, А. Данто пришел к выводу, что хронист должен с необходимостью знать будущее, чтобы адекватно отобразить наиболее релевантные факты действительности, поскольку невозможно заранее знать, влияние каких событий в дальнейшем будет существенным [4, с. 154]. История как процесс непрерывного становления, бесконечный поток происходящих событий не может быть охарактеризована ни закономерной, ни случайной, подобные эпитеты применимы только в рамках нарративного описания истории, но оперируя нарративными субстанциями, историк теоретически в состоянии связать различные события любым удобным для него способом. Предельным способом объяснения тех или иных явлений прошлого, установления причин произошедших событий согласно данному подходу оказывается создание убедительного и взаимосвязанного рассказа о конкретном промежутке времени. В рамках анкерсмитовской нарративной логики объяснением прошлых событий является их подробное описание, а это означает, что историки благодаря возможностям языка обладают практически безграничным потенциалом для раскрытия и объяснения изменений и становления во времени. Сформулированное историком описание прошлого может настолько убедительно объяснять случившееся, что для попыток установить иную последовательность событий, связать события между собой другим образом, просто не остается места, и тогда создается иллюзия того, что причинно-следственные связи исторического нарратива принадлежат самой ткани исторической реальности. Такого рода ошибка, по мнению Ф. Анкерсмита, была характерна для философии историзма, представители которой, верно описывая логику познания прошлого, рассматривали ее при этом в качестве логики самого исторического развития [1, с. 178]. С точки зрения отстаиваемого нидерландским философом нарративного идеализма подобное видение оказывается недопустимым просчетом, препятствующим построению эффективной теории исторического познания.

Для более точного раскрытия особенностей нарративных субстанций, в качестве одного из возможных примеров интересно рассмотреть самосознание человека. Самоидентификация представлена Ф. Анкерсмитом как своеобразный логический конструкт, призванный отразить единство и взаимосвязанность уникальных переживаний и чувств конкретного индивида. Понятие самосознания позволяет говорить о том, что составляет личность человека, строго дифференцировать принадлежащие ей черты от внешнего мира. Развивая высказанную Л. Витгенштейном идею нерференциальности местоимения «Я» [3, с. 206], Ф. Анкерсмит предлагает следующее определение этого понятия: «логическая сущность, обеспечивающая возможность описания (исторического) изменения, претерпеваемого мною в течение (периодов) моей жизни, где “изменение” определяется в терминах переживания и восприятия мной того, что я вижу как самое себя» [1, с. 260]. Атрибутирование самосознания в качестве нарративной субстанции позволяет ответить на поставленный Ф. Ницше вопрос о возможности осмысления единства субъекта, но одновременно с этим

до некоторой степени продолжает гегельянскую традицию, согласно которой корни исторического познания таятся в способности к рефлексии. Именно то, что каждый человек обладает опытом самоописания, опытом создания истории самого себя, дает логическую возможность для написания любого исторического повествования.

Поскольку единичными элементами исторического нарратива выступают нарративные субстанции, повествование неизбежно выполняет две функции – оно призвано описывать прошлую реальность, но одновременно с этим также и формирует определенную точку зрения, некое отношение, с которым это прошлое описывается. Причем обе эти функции реализуются одними и теми же высказываниями, т. е., строго говоря, предложения, из которых состоит историческое повествование, нельзя разделить на описывающие прошлое и формирующие перспективу его рассмотрения. Нарративные субстанции органически входят в структуру описания, именно благодаря им возможно понимание явлений прошлого, нарративные субстанции складываются и характеризуются теми единичными констатирующими высказываниями о событиях прошлого, которые историк формулирует, используя доступные ему методы исследования. Историческое повествование принципиально двойственно, при исследовании прошлого невозможно отказаться от фундаментального угла зрения, с которого оно производится, но чье наличие далеко не всегда осознается, выявляется. Благодаря сформулированной таким образом характеристике исторического нарратива, Ф. Анкерсмит приходит к выводу о том, что не существует дедуктивных правил, следование которым приводит к построению удачных описания прошлого [там же, с. 292]. Каждый созданный историком текст, безусловно, индивидуален уже в силу того, что индивидуальна предлагаемая им точка зрения на прошлое, а это означает, что каждый единичный нарратив не может рассматриваться в отрыве от других, посвященных рассматриваемому вопросу, само значение понятия «точки зрения» предполагает наличие нескольких таких точек.

Своеобразие исторического познания заключается в том, что каждое исследование оказывается также и выражением некой точки зрения, авторской стратегии видения событий прошлого. Формирование определенного подхода, индивидуального отношения к прошлому является неотъемлемой составляющей исторического нарратива, от которой нельзя абстрагироваться, не принимать ее во внимание. Исследование прошлого не может быть объективным. Более того, согласно подходу Ф. Анкерсмита, именно предлагаемая нарративом точка зрения напрямую определяет его эпистемологический потенциал: не сингулярные исторические факты, взятые сами по себе, но выстроенная историком последовательность, увязывающая события между собой, предлагаемая интерпретация случившегося позволяет объяснить и понять прошлое. По этой причине в исторической науке очень важна вариативность, многообразие подходов и оценок, чем разнообразнее и смелее предлагаемые точки зрения, тем рельефнее они определяют друг друга, тем полнее раскрывается их смысл и тем богаче становится в конечном итоге наше понимание прошлого. Неустрашимым условием чего, вне всякого сомнения, является стремление к достоверности анализируемых фактов, отказ от любых форм заведомого искажения используемых сведений. Историческое познание с необходимостью требует постоянной научной дискуссии, непрекращающегося диалога по поводу каждого

вопроса, познание прошлого – бесконечный процесс осмысления случившегося на основе сохранившихся свидетельств.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс. 2003. 360 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. 808 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис. 1994. Ч. 1. С. 75–321.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс. 2002. 292 с.
5. Domanska E. Frank Ankersmit: From narrative to experience // Rethinking History. 2009. Vol. 13. № 2, P. 175–195.
6. White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimor. 1973. 448 p.

F. ANKERSMIT'S LOGIC OF NARRATION AS AN ATTEMPT TO BUILD THE ANALYTICAL THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

In his first significant work «Narrative Logic», F. Ankersmit attempted to create the analytical theory of historical knowledge. Historical narration was interpreted as a total structure that is different in principle from a simple sum of meanings of composing it particular propositions. This kind of approach states the fundamental duality of narrative within the format of which the past is simultaneously described and presented through the horizon of a certain strategy of its vision. The epistemological potential of narrative knowledge of the past is understood as an ability to create persuasive descriptions of the phenomena that are not actually present and given through the text describing them.

Keywords: *philosophy of history, analytical philosophy, narrative, narrative substance.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: timmyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmyy@ro.ru